

ПЛЕХОДАНОВ Владислав Дмитриевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»,
e-mail: vladan13.kursk@yandex.ru

БАЛАШОВ Константин Геннадьевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Югорский государственный
университет»,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере предупреждения посягательств на несовершеннолетних, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Предмет исследования образуют нормы Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за такие посягательства (ст. 110, 110.1, 110.2, 132, 133, 135, 137, 151.2, 242.1, 242.2 УК РФ), положения федерального законодательства о защите детей от вредоносной информации, программные документы государственной политики в сфере информационной безопасности детей, доктринальные разработки категорий «виктимность» и «виктимологическая профилактика», а также материалы правоприменительной практики. Авторами рассмотрены понятие и содержание виктимологической профилактики, дана криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего потерпевшего от киберпосягательств, проанализированы факторы его виктимности: возрастная незрелость и повышенная внушаемость, дефицит цифровой грамотности, разрыв доверительной коммуникации в семье, склонность к избыточному самораскрытию в сети (феномен «душевного сетевого эксгибиционизма»). Прослежен стадийный механизм виктимизации при груминге, кибербуллинге, сексуальной эксплуатации, вовлечении в деструктивные сообщества и склонении к суицидальному поведению. Обоснован вывод о том, что действующая система предупреждения выстроена вокруг фигуры преступника и оставляет потенциальную жертву без должной правовой защиты, а само понятие виктимологической профилактики законодателем до настоящего времени не воспринято. Предложена трёхуровневая модель совершенствования профилактической деятельности: от закрепления виктимологической профилактики в федеральном законодательстве и обязательного обучения цифровой гигиене до адресной психокоррекционной работы с виктимными подростками и реабилитации пострадавших. Отдельно очерчены конституционные пределы профилактического вмешательства в частную жизнь несовершеннолетнего.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика; несовершеннолетний; жертва преступления; виктимность; киберпреступность; информационно-телекоммуникационные сети; кибербуллинг; груминг; цифровая среда; предупреждение преступлений.

PLEKHODANOV Vladislav Dmitrievich,
graduate student of FSBEI HE "Southwest
State University"

BALASHOV Konstantin Gennadievich,
graduate student of FSBEI HE "Ugra State University"

VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF CRIMES AGAINST MINORS COMMITTED ON THE INTERNET: CURRENT STATE OF THE ART AND AREAS OF IMPROVEMENT

Annotation. The object of the study is public wear, which develops in the field of preventing attacks on minors committed using information and telecommunication networks. The subject of the study is the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on liability for such encroachments (Articles 110, 110.1, 110.2, 132, 133, 135, 137, 151.2, 242.1, 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), provisions of federal legislation on the protection of children from malicious information, program documents of state policy in the field of information security of children, doctrinal developments of the categories "victimization" and "victimological profiling," as well as materials of law enforcement practice. The authors considered the concept and content of victimological prevention, gave a criminological description of the personality of a minor victim of cyberattacks, analyzed the factors of his victimhood: age immaturity and increased suggestibility, a shortage of digital literacy, a break in trust in the family, a tendency to excessive self-disclosure in the network (the phenomenon of "mental network exhibitionism"). The stadium mechanism of victimization in grooming, cyberbullying, sexual exploitation, involvement in destructive communities and inclination to suicidal behavior has been traced. The conclusion is justified that the current warning system is built around the figure of the criminal and leaves the potential victim without proper legal protection, and the very concept of victimological prevention has not yet been accepted by the legislator. A three-level model for improving preventive activities is proposed: from consolidating victimological prevention in federal legislation and compulsory training in digital literacy to targeted psychocorrection work with victimized adolescents and rehabilitation of victims. The constitutional procedures for preventive intervention in the private life of the imperfect-year-old are outlined separately.

Key words: victimological prevention; imperfect summer; victim of crime; victimhood; cybercrime; information and telecommunication networks; cyberbullying; grooming; digital environment; crime prevention.

Введение

Интернет давно перестал быть для подростка «дополнительной» средой обитания. Он стал основной. Социализация, дружба, конфликты, поиск признания переместились в мессенджеры и социальные сети, и туда же, вслед за детьми, закономерно переместился преступник. Официальная статистика фиксирует устойчивый рост посягательств, совершаемых дистанционно, причём заметная их доля бьёт по самому уязвимому: половой неприкосновенности, психике и нравственному развитию лиц, не достигших восемнадцати лет. Государство на этот вызов реагирует, о чём свидетельствует, в частности, утверждение Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации [5], однако программный документ сам по себе преступности не останавливает.

Особенность рассматриваемых посягательств состоит в том, что их механизм в решающей степени завязан на поведении самой жертвы. Не на замке, который взломали, а на двери, которую ребёнок открыл сам: выложенные фотографии, откровенная переписка с незнакомцем, некритичное доверие к виртуальному собеседнику. Уголовный закон здесь опаздывает по определению, поскольку реагирует на уже состоявшееся зло. Отсюда вырастает виктимологический ракурс проблемы: работать необходимо не только с

тем, кто нападает, но прежде всего с тем, на кого нападают, снижая уязвимость потенциального потерпевшего до момента его контакта с преступником.

Состояние этого направления в отечественном праве нас как исследователей не удовлетворяет. Термин «виктимологическая профилактика» законодателю неизвестен, механизм раннего распознавания виктимогенного поведения подростка в сети не выстроен, а обязанности цифровых платформ перед детьми прописаны настолько скупо, что практика вынуждена достраивать их сама. Целью настоящей статьи является анализ сложившегося положения дел, выявление факторов и механизма виктимизации несовершеннолетних в цифровой среде и формулирование предложений, пригодных для законодательного воплощения.

Обсуждение и результаты исследования

Виктимологическая профилактика переводит привычную оптику предупредительной деятельности. Не преступник в центре внимания, а жертва. Отечественная виктимология обязана этим поворотом прежде всего Д.В. Ривману, понимавшему её как выявление лиц с повышенной виктимностью, нейтрализацию этой виктимности и устранение ситуаций, чреватых причинением вреда [7, с. 34]. Применительно к детям такой подход требует существенной оговорки, и оговорка

эта принципиальна. Виктимность несовершеннолетнего коренится не в «порочности» его поведения, в чём подростков охотно упрекают взрослые, а в объективной возрастной незавершённости: эмоционально-волевая сфера не сформирована, внушаемость высока, критическое мышление и способность прогнозировать последствия собственных поступков только складываются. На эту закономерность давно указывали исследователи делинквентности подросткового возраста В.Ф. Моргун и К.В. Седых, подчёркивавшие многомерность личностных деформаций в этот период [9, с. 96]. Упрекать ребёнка за возрастную незрелость всё равно что ставить в вину слабое зрение.

Здесь уместно еще одно доктринальное уточнение. Н.Р. Сидоров справедливо предостерегал от смешения психологической и этической плоскостей при оценке отклоняющегося поведения несовершеннолетних: квалификация поведения как «нарушающего нормы» уводит анализ от собственно психологических предпосылок в область морализаторства [11, с. 69]. Тот же упрек, полагаем, применим и к виктимологической оценке. Рассуждения о «легкомыслии» подростка, ставшего жертвой сетевого хищника, подменяют исследование причин их осуждением. Продуктивнее иной взгляд, разделяемый Я.И. Гилинским и его соавторами: и девиантность, и виктимность в значительной мере конструируются социальной средой, а не заданы природой индивида [8, с. 41]. Среда же, о которой идёт речь, сегодня цифровая.

Из чего складывается уязвимость подростка в сети? Проведённый нами анализ позволяет нащупать несколько сплетающихся линий.

Первая упирается в психологию возраста. Потребность в признании, жажда принадлежности к референтной группе, тяга к риску толкают подростка туда, где одобрение раздают щедро и без проверки. Виртуальное пространство именно таково. Собеседник, который «понимает» и «не осуждает», получает кредит доверия, какого не удостоивается ни один взрослый из реального окружения ребёнка.

Вторая линия поведенческая, и здесь картина парадоксальна. Подросток выкладывает в общий доступ фотографии, адрес школы, расписание дня, подробности семейных конфликтов, обнажая душу перед неопределённым кругом лиц, и одновременно наглухо закрывается от родителей. В литературе этот перекося метко назван «душевым сетевым эксгибиционизмом» [10, с. 78]. Именно он, по нашему убеждению, образует ядро виктимогенной ситуации: открытость анониму при закрытости от семьи. Преступнику остаётся лишь занять пустующее место доверенного взрослого.

Третья линия семейная. Там, где эмоци-

ональное внимание подменено материальным обеспечением, ребёнок уходит искать тепло в сеть. Эмпирические данные это подтверждают: дефицит взаимопонимания с родителями сопряжён у подростков с ростом тревожности, страхами в межличностных контактах и падением статуса в группе сверстников [10, с. 81], причём, как показала Л.И. Макадей, у девочек реакция на отсутствие родительского понимания выражена острее и чаще выливается в устойчивые страхи, снижающие уверенность в себе и способность к полноценной коммуникации [12, с. 154]. Гендерное измерение виктимности, заметим попутно, отечественной виктимологией почти не разработано, хотя для дифференциации профилактических программ оно очевидно значимо. Круг замыкается: чем хуже дома, тем глубже в сеть; чем глубже в сеть, тем доступнее для хищника.

Четвёртая линия банальна, но опасна не менее прочих: элементарная цифровая безграмотность. Ребёнок не распознаёт признаков груминга и фишинга просто потому, что его этому никто не учил.

Сам механизм виктимизации разворачивается стадийно, и стадийность эта прослеживается в материалах практики с удручающим однообразием. Сначала контакт, нередко под вымышленной личиной сверстника. Затем терпеливое выращивание доверия и эмоциональной привязанности, на что у преступника уходят недели, а порой месяцы. Далее получение компрометирующих материалов. И финал: шантаж, принуждение, эксплуатация. Схема, что показательно, воспроизводится почти на любом составе: при склонении к действиям сексуального характера (ст. 132, 133, 135 УК РФ), при вымогательстве с использованием интимных изображений, при вовлечении в изготовление порнографических материалов (ст. 242.1, 242.2 УК РФ), при доведении до самоубийства и склонении к нему (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ), при втягивании в занятия, опасные для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ) [1]. Особняком стоит кибербуллинг. Самостоятельного состава он зачастую не образует, однако как виктимогенный и криминогенный фактор работает безотказно, загоняя жертву в депрессию, социальную изоляцию, а в крайних случаях подводя к суициду [10, с. 76]. Травля, добавим, разрушает и то, что И.А. Баева обоснованно относит к базовым условиям нормального развития ребёнка, а именно психологическую безопасность среды, понимаемую как защищённость от неблагоприятных воздействий и способность им противостоять [6, с. 27]. Образовательная организация, в стенах которой процветает сетевая травля учеников, безопасной средой считаться не может, какие бы тревожные кнопки ни висели у входа. Нужна ли типология несовершеннолетних потерпевших?

Полагаем, что нужна, ибо без неё профилактика превращается в стрельбу по площадям. Наши наблюдения позволяют различить как минимум четыре характера виктимного поведения. Есть доверчивые и пассивные дети, которых берут внушением; таковы типичные жертвы груминга и мошенничества. Есть демонстративно рискующие подростки, щедро раскрывающие себя сети и оттого становящиеся добычей шантажистов. Есть изолированные, депривированные, отчаянно ищущие принадлежности; их ловят закрытые деструктивные сообщества, в том числе суицидальной направленности. Наконец, конформный тип, ломающийся под групповым давлением. Каждому типу нужен свой инструмент, и стричь их под одну гребёнку значит заведомо обесценить усилия.

Теперь о том, чем государство на всё это отвечает. Нормативный фундамент предупредительной работы образуют два акта: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ [2] и Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ [3]. Присмотримся к ним внимательнее. Первый заточен под профилактику правонарушающего поведения самих несовершеннолетних, то есть видит в подростке потенциального нарушителя, а не потенциальную жертву. Второй регулирует оборот информационной продукции, ограждая ребёнка от вредного контента, но с живым преступником, охотящимся в мессенджерах, никак не соприкасается. Между двумя законами зияет пробел, и в этот пробел проваливается именно виктимологическая составляющая. Упомянутая Концепция информационной безопасности детей [5] декларирует формирование у несовершеннолетних навыков безопасного поведения в цифровой среде, однако декларация, не подкреплённая механизмом реализации и ответственным субъектом, остаётся благим пожеланием. Само понятие виктимологической профилактики нормативно не закреплено, а значит, у направления нет ни правового статуса, ни строки в бюджете. Здесь законодатель явно недоработал. Правоприменение, лишённое опережающего инструментария, действует реактивно. Возбудили дело, изобличили, осудили. Потерпевшему от этого легче едва ли: вред уже причинён, и никакой приговор его не отменит.

Отдадим должное высшей судебной инстанции. Пленум Верховного Суда РФ ориентировал суды на учёт особой уязвимости несовершеннолетних потерпевших и признал, что действия сексуального характера, совершённые с использованием сети Интернет без непосредственного физического контакта, подлежат квалификации по статьям главы 18 УК РФ [4]. Уголовный закон, таким образом, к цифровой реальности адаптируется. Но репрессия виктимогенных факторов не устраняет; она лишь фиксирует их последствия.

Что предлагается взамен реактивной моде-

ли? Нами отстаивается трёхуровневое построение виктимологической профилактики, и логика уровней здесь классическая для криминологической науки. Общесоциальный уровень требует прежде всего законодательного оформления самого института. В Федеральный закон № 120-ФЗ следует ввести понятие виктимологической профилактики и отнести к её объектам несовершеннолетних с повышенной виктимностью в цифровой среде. Параллельно необходим обязательный образовательный модуль цифровой гигиены в школьных стандартах: распознавание манипулятивных техник, обращение с персональными данными, алгоритм действий при столкновении с сетевой агрессией. Такое решение прямо развивало бы положения Концепции [5], переводя её из плоскости деклараций в плоскость обязательств. И нельзя забывать родителей. Семья остаётся первым рубежом защиты ребёнка, однако рубеж этот нередко беззащитен сам, поскольку цифровая компетентность взрослых уступает детской.

Специально-криминологический уровень предполагает работу тоньше. Педагоги-психологи образовательных организаций, вооружённые валидированным диагностическим инструментарием, способны улавливать виктимогенные признаки сетевого поведения подростка задолго до беды; этот потенциал следует институционализировать, встроив его в систему обеспечения психологической безопасности образовательной среды в том её понимании, которое обосновано И.А. Баевой [6, с. 105]. Отдельный и болезненный вопрос касается цифровых платформ. Их обязанности по выявлению и блокированию груминговых контактов и деструктивных сообществ, равно как и по оперативному взаимодействию с правоохранительными органами, должны быть закреплены нормативно, а не оставлены на усмотрение корпоративной этики. Практика показывает: добровольно платформы двигаются в эту сторону неохотно. Назрело, наконец, развитие специализированных подразделений по противодействию киберпосягательствам на детей с обязательным включением в их состав психологов.

Индивидуальный уровень адресован конкретному ребёнку. Тому, чья виктимность уже проявилась, нужны тренинги ассертивности, отстаивания личностных границ, критического мышления. Тому, кто уже пострадал, нужна реабилитация, и промедление здесь особенно опасно: пережитый уничижительный опыт формирует стойкий дефицит адаптационных ресурсов личности [10, с. 84], а неотработанная травма превращает жертву разовую в жертву рецидивную.

Было бы, впрочем, наивно подавать эти предложения как лишённые издержек. Расширение мониторинга сетевой активности детей неизбежно трётся о конституционные гарантии непри-

косновенности частной жизни и тайны переписки (ст. 23, 24 Конституции РФ). Профилактика, переросшая в тотальную слежку, сама становится фактором виктимизации, только уже со стороны государства. Выход видится в жёстком законодательном очерчивании пределов: мониторингу подлежит лишь общедоступная информация либо сведения, полученные с согласия законных представителей, а индивидуальная работа строится на началах добровольности и конфиденциальности. Иначе лекарство окажется горше болезни.

Заключение

Проведённое исследование убеждает: виктимизация несовершеннолетнего в сети Интернет не одномоментный акт, а процесс, вызревающий стадийно и питающийся сразу несколькими корнями. Возрастная незрелость, поведенческая неосторожность, семейное отчуждение и цифровая безграмотность сплетаются в один узел. Сердцевиной виктимогенной ситуации выступает коммуникативный перекос: ребёнок распахнут перед анонимным виртуальным окружением и закрыт от собственной семьи. Действующая система профилактики этому вызову не отвечает. Она фрагментарна, репрессивно ориентирована и близорука: видит преступника, но не видит жертву до тех пор, пока та не приобретёт процессуальный статус потерпевшего. Понятие виктимологической профилактики законодателем не воспринято, механизм раннего выявления виктимности не создан, обязанности цифровых платформ размыты, а программные документы государственной политики не подкреплены механизмами реализации.

Предложенная нами трехуровневая модель призвана этот разрыв закрыть. На общесоциальном уровне речь идёт о законодательном закреплении института виктимологической профилактики и обязательном обучении цифровой гигиене, на специально-криминологическом о раннем выявлении виктимогенного поведения силами школьных психологических служб и нормативной нагрузке на операторов платформ, на индивидуальном об адресной психокоррекции виктимных подростков и реабилитации пострадавших ради недопущения вторичной виктимизации. Одна оговорка остаётся сквозной для всех трёх уровней: защита ребёнка не должна оборачиваться вторжением в его конституционные права. Профилактика, глухая к гарантиям частной жизни, рискует сама причинить тот вред, который призвана предупреждать.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

[3] О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.

[4] О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

[5] Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 19. Ст. 3469.

[6] Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография / И.А. Баева. СПб.: СОЮЗ, 2002. 271 с.

[7] Ривман Д.В. Криминальная виктимология / Д.В. Ривман. СПб.: Питер, 2002. 304 с.

[8] Гилинский Я.И. Конструирование девиантности / Я.И. Гилинский [и др.]. СПб.: Деан, 2011. 223 с.

[9] Моргун В.Ф., Седых К.В. Делинквентный подросток: учеб. пособие / В.Ф. Моргун, К.В. Седых. Полтава, 1995. 161 с.

[10] Челпанов В.Б. Профессиональная деятельность практического психолога образования: обеспечение психологической безопасности школьников / В.Б. Челпанов. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2012. 315 с.

[11] Сидоров Н.Р. Психологические предпосылки девиантного поведения / Н.Р. Сидоров // Вестник практической психологии образования. 2009. Т. 6. № 2. С. 68–72.

[12] Макадей Л.И. Гендерные различия тревоги и страха у подростков / Л.И. Макадей // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 7. С. 152–157.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (from the last rev. and addendum) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency: Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ // On the Implementation of the Legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177.

[3] On the protection of children from information harmful to their health and development: Federal Law No. 29.12.2010 of 436-FZ // Collection

of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 48.

[4] On judicial practice in cases of crimes against sexual inconsistency and sexual freedom of the individual: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.12.2014 No. 16 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 2.

[5] On the approval of the Concept of Information Security of Children in the Russian Federation: Order of the Government of the Russian Federation of 28.04.2023 No. 1105-r // Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 19. Art. 3469.

[6] Baeva I.A. Psychological safety in education: monograph/I.A. Baeva. St. Petersburg: SOYUZ, 2002. 271 pp.

[7] Rivman D.V. Criminal Victimology / D.V. Rivman. St. Petersburg: Peter, 2002. 304 pp.

[8] Gilinsky Y.I. Construction of deviance / Y.I. Gilinsky [et al.]. St. Petersburg: Dean, 2011. 223 pp.

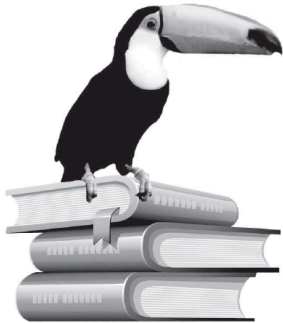
[9] Morgun V.F., Sedykh K.V. Delinquent teenager: study. Manual / V.F. Morgun, K.V. Sedykh. Poltava, 1995. 161 pp.

[10] Chelpanov V.B. Professional activities of the practical psycho-log of education: ensuring the psychological safety of schoolchildren/ V.B. Chelpanov. Kursk: Yugo-Zap. state university, 2012. 315 s.

[11] Sidorov N.R. Psychological prerequisites for deviant behavior/N.R. Sidorov // Bulletin of practical psychology of education. 2009. T. 6. № 2. S. 68-72.

[12] McAday L.I. Gender Differences in Anxiety and Fear in Adolescents/L.I. McAday // Scientific Problems of Humanities Research. 2010. № 7. S. 152-157.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.